

Андрей Грачёв

АФГАНСКИЕ БЫЛИНКИ

Стихи и проза

ОБ АВТОРЕ

Андрей Юрьевич Грачёв родился 4 июня 1963 года. Место рождения - Советский Союз. В ряды Вооружённых Сил был призван в октябре 1981 года. Срочную службу проходил в составе 45-го отдельного инженерно-сапёрного полка Ограниченного Контингента Советских войск в Афганистане. Воинское звание – рядовой. Должность – сапёр. Принимал участие в боевых действиях в провинциях Парван, Баграм, Кабул, Баглан, Нангархар и др. За участие в штурмовке укрепрайона Базарак в долине реки Панджшер награждён медалью «За отвагу». В октябре 1982 года в окрестностях Кабула был тяжело ранен. В октябре 1983 года вычеркнут из списков части в связи с полной

потерей зрения. С ноября 1983 года – дембель. С отличием окончил пединститут, защитил кандидатскую диссертацию. В настоящее время преподаёт на кафедре русской и зарубежной литературы Сам ГПУ.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Семнадцать лет назад закончилась последняя война Советского Союза, – долгая, странная и до сих пор не объявленная. Прошли времена, когда к окнам окружных госпиталей липли обгорелые странные солдатики и, как кино, смотрели на не стреляющий, мирный город, а город бежал мимо них, город спешил, городу было некогда. Ввод войск назвали «политической ошибкой», войну – «авантюрой». Тринадцать тысяч «ошибок» совершили на той войне и около семисот тысяч «авантюристов» пропустили через неё. Войска вывели, «ошибки» запаляли в цинк и зарыли, а что делать с «авантюристами» долго решить не могли.

Поначалу их как-будто не существовало в природе, а просто попадались на вокзалах загорелые дембеля и потом куда-то бесследно исчезали. Затем одумались и приравнили их к участникам войны. Но только приравнили, – войны всё равно не было. И где умудрился солдат потерять ногу и чей орден себе привинтил, оставалось неясным.

И, действительно, разными были войны. Даже и сравнивать было нельзя огромное горе страны с маленькимobeliskом на кладбище. И всё-таки в самом конце восьмидесятых

сообразили, что для солдата, в конечном счёте, разница только в одном, – на той войне гробы были деревянные. И официально признали «авантюристов» ветеранами. В народе же их с самого начала и навсегда окрестили как отдельную нацию – «афганцы», и тем прочно от себя отделили.

Резкие, злые, заводные с полуоборота, они и вправду отличались от других. У них и язык был особенный. Ну какой «душара» влетел на «бурубухайке в зелёнку» и какой «бахшиш» нашёл в этой «зелёнке» «бача»? И когда в их знаках отличия решили разобраться, то не разобрали ничего. Зато многим удалось на афганской теме отличиться. Об «афганцах» заговорили, задумались, записали, и не сказали ровным счётом ничего.

Хочешь обмануть, скажи половину. Первую половину правды об «афганцах» сказала в книге «Цинковые мальчики» Светлана Алексиевич: мародёры, насильники, убийцы и изувеченные войной наркоманы. Вторую сочинил Александр Проханов: герои, рыцари без страха и упрёка, а кто упрекнёт – сволочь. Но из двух этих половинок ничего не сложилось. Правда Светланы Алексиевич не больше её гонорара, а правда Александра Проханова закавычена и была заголовком партийной газеты. Отпетыми головорезами возвращались они домой, и последними рыцарями Союза. Как и их война, остались «афганцы» необъявленными, и говорят о них разное: от «крепких парней» до «поголовных наркоманов», от «людей долга и чести» до «за косяк мать продаст». Не складывается правда об «афганцах» оттого, что не тот в этой правде расклад. Нужно всё разложить по полочкам, всё взвесить, а в мирной жизни таких весов нет. Война не всё спишет, но всё нужно писать о войне.

Война, это когда твой друг помещается в уголке вещмешка, а всё остальное расплётнито миной. А ты ползаешь в пыли и собираешь серые куски мяса, а мясу, как и тебе – девятнадцать. Эта правда на вес мешка, – пять четыреста по весам баграмского морга.

Первая ложь об Афгане в том, что набирали в него особенных, обученных и самых. В Афган попадали из ПТУ, со двора и через год после школы. Он приходил домой повесткой, обманывал романтикой на карантине и встречал непостижимой пятидесятиградусной жарой. Он глушил «молодых» желтухой, крутизной афганских «дедов» и скручивал колючкой беспросветной гарнизонной жизни. Но настоящий Афган начинался не сразу, а с первой кровью, с первым двухсотым грузом из твоего призыва, когда, набивая магазин, уже знаешь, зачем.

Девушка-студентка брезгливо поджимает губы: «А вам приходилось убивать?» Война, это выбор, девочка, и спрячьте ваши губки. Нужно выбрать, чья мать заплачет раньше, и если не хочешь, чтобы твоя, – стреляй. И афганцы стреляли. Стреляли охотно, с остервенением, так, что клинило раскалённые стволы. Благо, боекомплект Родина-мать не обижала. Хлебом могла обидеть, надгробной плитой, но патронами никогда.

В отчаянной штурмовке прорывался запылённый «мобута» к дому, из которого три часа крошил его роту пулемёт. Гранатами от всей накипевшей души гасил его, и, влетая в дом, видел «погасшего» пулемётчика и «погасших» рядом с ним женщину с детьми. Но штурмовка шла, пылил «мобута» дальше. А через неделю странно задумывался, упирался в задумчивости подбородком в ствол и разбрызгивал в рассеянности мозги по потолку. И никакому следствию не удавалось установить причину, никакому дознанию найти следа. Шёл «мобута» на боевые потери, паковался в груз «двести», – не сберёг свою мать, задумавшись о чужой. «Афганцы» были убийцами.

И от всех щедрот Родины один патрон, сувенирный, до серебряного блеска отполированный в карманах, таскали с собой. Вместо положенного пустого, с вложенной в него запиской владельца, многие носили с собой боевой, чтобы в нужный момент в последний раз им «расписаться». «Афганцы» редко сдавались в плен, чаще мозги себе кроили этим «сувениром», а лучше всего гранатой, чтобы не одному и красиво. Поразительный факт, – четыреста пленных оставила армия за девять лет войны. Но героизмом это не считалось, а был здесь ледяной расчёт и прямая необходимость. Четыреста, – это тех, кто выжил. Кожу сдирали «духи» с живого «шурави» и заставляли жить без неё несколько часов, калёным маслом заливали раны. Душманы резали уши, конечности, головы, засушивали их и прилагали к погонам, и за каждый такой «комплект» щедро расплачивалась американская демократия. Это правда баграмского морга. Армия насмерть дралась с четырнадцатым веком, и секунду смерти меняли «шурави» на её часы. Но сколько смертной тоски и последнего одиночества переживал он в эту секунду! Вечная вам слава, братишки, и простите, что не было рядом!..

«А правда, что уничтожали своих, не допуская плена?» Правда. Безнадёжно зажатый на сопке взвод пускал в эфир свой квадрат, и его вверх дном переворачивала авиация. С музыкой уходили ребята, играли в звонкий цинковый дембель. А лётчики знали? А начальство знало? Они знали правду баграмского морга. И не трогайте бога афганской войны – авиацию. На чужой земле она родным для «афганцев» делала небо.

И был у «цинковых мальчиков» неписанный, железной твёрдости закон – мёртвое

дороже живого. Целые войсковые операции разворачивались, чтобы отбить «двухсотых», ожесточённейшие бои кипели из-за своих мертвецов. И иногда за одного «двухсотого» падало десять, но мёртвых с поля боя выносили. «Духи» об этом знали и минировали павших, чтобы умножить их число. Рассвирепевшие сапёры платили им тем же, и начиналась изощрённейшая минная война. Кто кого? Победённый – в цинк.

В Союзе мальчиков цинковали торопливым военкоматовским залпом и прочерком между датами перечёркивали жизнь. Из безмолвия они уходили в небытие. Раз не было войны, то не было и героев. Целая армия пропала без вести за южным рубежом. За рубежом оставляли всю её боль и горечь потерь. Эту войну «афганцы» проиграли начисто. В Союзе были другие законы. И, конечно, баловались афганцы наркотой.

Анаши в стране больше хлеба, водки – меньше воды. Ничем другим от войны не уйдёшь. Минздрав мог не предупреждать водилу с девятью тоннами тротила за спиной, и ни к чему было задумываться о здоровье десантнику, идущему на последнюю штурмовку. Шёл косячок по кругу, чтобы не сорваться оттого, что свинцовые фонтанчики бьют из-под колёс, чтобы не думать, что горку эту взять в принципе нельзя, а только очень нужно. Травились, чтобы не думать, кому, и, отравленные Афганом, летели потом в клиники, могилы, лагеря. Судите их за желтуху, – они ею болели тоже. Самой большой хохмой Афгана была надпись Минздрава на сигаретной пачке.

И права Светлана Алексиевич, форменный разгул творился в афганских гарнизонах. Афганские мужики любили редких женщин. На приказ министра обороны быть святыми «афганцы» плевали кто и почём мог. И причина была простой, – он был невыполним. Святым на Руси был только один воин – Александр Невский, и тот по другому поводу. Такие приказы отдают те, кто уже может их исполнить. «Афганцы» ещё не могли. И странно требовать от военного быть мужчиной меньше штатского, – он больше. И всё свободное от войны и разгула время предавались «афганцы» разнузданному, поголовному мародёрству.

С гранатой без чеки в правой руке и бумажками в левой заходил «мародёр» в лавку и автоматным стволом из-под мышки обводил товар. Граната для безопасности, деньги для порядка. «Чан афгани?» – почём, – не спрашивал. Ясно, что не дорого. И, очень собой довольный, сваливал. Откуда у солдатика деньги? Не скажу. Если уж война необъявленная, то и я объявлять не стану. Но паразит Васька идёт на дембель раньше, Ваське нужнее, а ему ребята ещё добудут. Но дембель случался скоростижным. Ехал «мародёр» грузом «сто девяносто восьмым», и вёз в лёгком шикарном осколке сотого калибра и потрясающей роскоши пулю в правом предплечье. А в госпитале ходил за

мародёром дружественный араб на излечении и не верил, что месяц войны стоит девять рублей чеками, а "мародер" не верил про доллары:

Родину, как женщину, за деньги не любят. И радовался, что кончился Афган, но Афган не кончался.

Выяснялось вдруг, что осколок – «травма», война – «командировка» и только на два года отрезали рассеченную ногу. Кровавой кашей хлюпал неподъёмной тяжести протез, как на красный свет летела на корочки разъярённая очередь, и никто, ну, совсем никто тебя туда не посылал. Он троих завалил на Панджшере десантным кортом, горячей БМДешкой задавил пулемётную гниду, он, сильный и знающий себе цену, от бессилия плакал, – ничего не горит, и гнида своя.

И от тупого беспросвета мирной жизни тянуло к своим, таким же, туда, где хоть немного войны. Поэтому рождённое войной братство афганцев в мирной жизни не растворилось, а сложилось в фонды, организации, союзы. Но война – характер, – вместе с ней не проходит. И, как прежде, воюют «афганцы» не за себя. У улиц и подворотен отбивают они подростков, создают лагеря, центры, клубы. По всей России действуют таких сотни, и им верят, и к ним идут, потому что «афганцы» едва ли не единственные в этой стране, кто хоть что-то знает точно. Они точно знают, что «душман» – враг, а «зёма» – друг, и учат простым и точным вещам. Тому, что национальный герой России не Арнольд Шварценеггер, что Александр Матросов не подскользнувшись упал на дот, и знамя над рейхстагом покраснело не от коммунизма. Что Родину надо любить, что в армии не служить стыдно и за державу всё-таки обидно. Учат тому человеческому и настоящему, что принесли с собой с войны. Они живы, живут вопреки всей журнальной лжи и газетной «правде» и, не оправдываясь, не лгут.

Солдат – это вечный с краю. Его профессия – убивать, и быть убитым – судьба. А если выжил, вернулся, то до конца дней своих виноват. Каемся, во всех бессмертных своих грехах каемся. Умирали, горели, выжили и вернулись. Мы вернулись, Родина, какие есть, и другими не станем. «Афганцы» старше своего народа на одну войну, и в этом их главный знак и отличие. В их войне народ не участвовал. Наедине с собой были оставлены они в Афгане и научились отмерять свою правду весами баграмского морга, самыми точными весами в мире.

Семнадцать лет прошло, другой за эти годы стала Родина, и новая нация ветеранов появилась на её вокзалах – «чеченцы». Новые солдаты липнут к окнам наших госпиталей и с изумлением рассматривают не стреляющий, мирный город, а город бежит мимо них, город спешит, городу снова некогда. Не оглядывается Россия на своих солдат, на всех

«испанцев», «египтян», «афганцев». Без оглядки торопится она в новый век, и в безоглядности своей успевает только к новой войне. И столько было уже в её истории малых войн, что складываются они в одну великую. От прошлой отличаются они только тем, что остаются всегда необъявленными. И давно уже затерялась среди них афганская, заросла событиями, отошла в прошлый век. Её завалило августами и октяблями, придавило траками новых войн. Но видно, так устроена наша память, сквозь любое безмолвие прорастёт. Так и в этих строках сквозь события и времена – проросло.

Не были, а так, – былинки. Но они живые, они оттуда. Их корни в Баграме и Чарикаре, Кабуле и Кандагаре. И не нужно спрашивать: было – не было. Всё было когда-то и не было никогда. Росток никогда не похож на собственный корень, но отдельно от него не живёт. Они написаны не для истории, а для души. Но если пробилась, если живые, то и в вашей душе – прорастут.

Светлой памяти необъявленных солдат посвящается эта книга, их трудной жизни, нелёгкой смерти и уже навсегда – бессмертию. Долгие годы воевали они в Афганистане: дрались под Кандагаром, штурмовали Панджшер, вместе уходили на караваны и пробивались в Союз, и только потом разделила их судьба: отправила, кого домой, кого в вечность. Автор – не судьба, он только её записал. В солдатские медальоны разложил вечность, в «повести» – жизнь, но в его книге они, как и на той войне, – вместе.

АВТОР

[Скачать книгу](#)